

А. Н. Фатенков¹

ВОЗВЫШЕННОЕ ПАДЕНИЕ В ИННОВАЦИОННЫЙ ДЕКАДАНС

Инновационный декаданс — состояние, которое странным образом переживает современный мир. Это уже не просто паразитирование на будущем, характерное для прогрессистских теорий и практик, это перенос в настоящее изможденного эксплуатацией будущего. Прогресс выбрал из еще не наступившего все, что было соразмерно человечности, органическому тандему антропного и социального. Теперь там, а отчасти уже здесь и сейчас, маячит постчеловеческое. Суть его в поступательной редукции антропного и экзистенциального к социальному и далее — к техническому.

Человек обманулся совершенствованием техники: некогда она здраво продолжала натурное тело, дополняя и оберегая его; ныне претендует на достройку и замещение природной телесности. Но в еще большей степени люди обманулись и соблазнились «эмансипирующим» потенциалом социальности. А ведь она, становясь избыточной (не только количественно, но и качественно), неизбежно формализуется и уподобляется тем самым техническим системам.

Античные классики, определив человека как общественное (политическое) животное, вольно или невольно ограничили притязания «общественности», которая, как и все сущее тогда, представлялась вписанной в циклическое движение, стало быть, имеющее пределы. Исподволь индивид получил команду работать над собой, актуализировать и крепить личные достоинства, что и начало реализовываться эллинизмом. Упадок общественной организации — сначала полисной, затем имперской — сопровождался ростом экзистенциальной мощи, особенно в сфере влияния стоицизма. Складывалась ситуация, позволившая впоследствии Фридриху Ницше выдвинуть гипотезу, что развитие мира как культуры и мира как цивилизации протекает

в противофазах. Однако ни мысль Ницше (взятая объемно, не фрагментарно), ни исторические реалии эллинизма, ни античная мировоззренческая парадигма как таковая (репрезентируемая опять же трехмерно, шарообразно, а не спроецированная на плоскость) не утверждают полярность культуры и цивилизации, экзистенциального и социального в качестве единственно возможного событийного соотношения. Иначе говоря, на каких-то витках истории, в каких-то сегментах исторической сферы не исключено существенное сближение «противоположностей»: экзистенциальные и социальные величины способны перестать испытывать взаимное отвращение и пренебрегать друг другом. Надо было, конечно, подождать и потерпеть — не без борьбы, не без приложения сил, разумеется.

Но ждать, очевидно, не захотелось. И тут в историческую игру вступила, оказавшись востребованной, иудео-христианская парадигма — с ее линейным пониманием событийной цепи, с вечно спешащими и опаздывающими ее адептами, с «несвоевременными» по обыкновению мыслями ее знаковых персон. Произошла анекдотичная культурная абберрация: «нищие духом» «приватизировали» экзистенциальную мощь эллинизма и сублимировали ее в «чистую» бестелесность — как будто та может быть какой-то иной... Тело же заклеили несмыслимой греховностью. Если верить Алену де Бенуа («Как можно быть язычником»), церковь начала даже не с роспуска академических школ, а с закрытия бань. Техники вспоможения собственно человеческому телу отодвигаются далеко на периферию. Приоритетное место занимают техники приобщения к «телу Христову» и трансцендирования к иному, к бегству от себя (подаваемому как «преображение», движение к «себе подлинному»). Церковная организация становится дополнительным и, похоже, изначально чрезмерным наслоением социального на человеческое, сомнительной прибавкой к родовито-земным и не лишенным сакральности семейным узам, этнической общности, профессиональному союзу и политической иерархии. Неудивительно, что со временем церковная религиозность низводится прогрессирующим миром до содержательно выхолощенного авто-

¹ Профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике», «Редукция человека к голой жизни. Антропология Дж. Агамбена», «Экзистенциальный реализм в смыслах и лицах: Альбер Камю», «Память и экзистенция в отголосках войны», «Феномен выбора под подозрением» и др. Член редакционного совета журнала «Философская антропология», член Российского философского общества, руководитель городского философского семинара.

матического ритуала. Вместе с ней постепенно в зону критики, риска, деконструкции и либеральной формализации попадают другие социальные институты.

Действуя на опережение, коммунистический проект в его радикальной версии настаивает (по аналогии с этическими рекомендациями И. Канта) на принесении в жертву, ликвидации всех частных форм социальности, с тем чтобы «тотальная», всеобщая социальность освободила человека от гнета экономизма, от редукции антропного к биомеханике. Это наивная утопия, стратегически ошибочный ход для перспектив человечности, но неизбежная мера при воспроизводстве прогрессистской логики: бичуя следствия, поощряя их глубинную причину. Ведь чистая социальность — это не «немая» мягкотелая сентиментальная сплошная сущность, а рационально репрезентирующая себя система общественных отношений, социальная механика.

Либерализм (и умеренный, и радикальный, и в постмодернистской упаковке), самодовольно празднующий ныне победу над коммунизмом, еще более убог в плане сбережения человечности и сакральности. Он, отрицая сильные вертикальные связи, культивирует связи ослабленные горизонтальные, координационные. За образец принимается калейдоскоп «сетевых структур» с их перманентной презентацией, желательной в «цифровом формате». При этом (смех да и только) либерализм пускается в рассуждения о «возвышенном», которое никак не отличить в «сети» ни от стороннего, ни от низменного. Ожидаемая преференция и ее квазирелигиозный характер разгадываются без труда: получить возможность интерпретировать падение как вариацию или элемент вознесения-восхождения (пусть и «деболого»), коррелирующего с ситуацией смерти Бога, как у Джанни Ваттимо, но непременно с эстетским антуражем).

Что ж, возвышенное падение смотрится эффектно, и для декадана оно притягательно и привычно. Может ли селфи-цивилизация не декадентствовать? Вряд ли. Как избежать соблазна запечатлеть себя, успешного, на фоне страдающего существа?! Впрочем, декаданс декадансу рознь. Ницше, например, допускал и объективистское его понимание: когда речь идет (безоценочно, насколько это возможно) об отпадении частей от всего растущего и укрепляющегося, когда предполагается вероятность не только негатив-

ного, но и нейтрального или даже положительного разложения-отслоения. Но это точно не наш случай. С текущим моментом лучше корреспондирует другое, в стиле того же немецкого интуитивиста, понимание декадана как разложения, вызванного истощением внутреннего содержания и ослаблением воли природно-культурного организма, индивидуального и надындивидуального. Такого рода упадку, уточнял философ, свойственно выставлять на передний план «социальный вопрос». Мысль глубочайшая, но не без манерного элитаризма. Некоторая правка напрашивается. Не социальный вопрос сам по себе, а его постановка и решение в определенной плоскости являются характерными чертами декадана, новейшего как синонима упадничества Ницше прав абсолютно). Не столько социальный прогресс как таковой с его неизбежными эгалитаристскими соблазнами и иллюзиями, сколько переподчинение социального прогресса техническому — закономерное переподчинение, надо еще раз подчеркнуть, — детерминирует сегодня доминанту упадка.

Что делать? Не суетиться и не впадать в уныние (сама формулировка вопроса невольно вызывает улыбку). Для начала не совершать заведомо проигрышных ходов. Пора уразуметь, среди прочего, что ставка на возрождение монотеистических религий не только бесперспективна — она усугубит положение. Ведь остро переживаемая ныне культурно-цивилизационная передышка — это преимущественно кризис авраамического мира, кризис «религий откровения» и их секулярных отложений. Апогей напряженности, как нетрудно заметить, приходится, прямо или косвенно, именно на точки внутренних разборок и внешнего противостояния ислама, христианства и иудаизма — монотеистических соперниц.

Гегелевская философия некогда уже указала — спойкойно, без громогласных деклараций — на роль и значение «откровенного» религиозного опыта и, шире, опыта трансцендирования к иному. Они относительно, промежуточно уместны: субъекту имеет смысл, выйдя из себя, взглянуть на себя со стороны. Но подтверждение субъектности достигается лишь возвращением к себе. Если человек все же решится не растерять ее окончательно, к «абсолютному философу» стоит, не фетишизируя, прислушаться.